

Вранин

ПАНТЕОН

16+

Вранин
Пантеон

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Вранин

Пантеон / Вранин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-03207-1

Потерявшийся путник в загадочной ледяной пустыне. Моряк становится свидетелем непредназначенного человеческого взгляду. Отважный герой, готовый пройти несколько смертельных испытаний, чтобы взойти на пирамиду, где его ждёт прекраснейшая из всех женщин. Мужчина просыпается в тёмном лабиринте и не помнит, как здесь оказался. Таинственные события в монастыре, спрятанном в лесной глуши. Это истории одиночества человека, поисков себя и встреч с Неизведанным в огромном и пугающем мире.

ISBN 978-5-532-03207-1

© Вранин, 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

КАЙ	6
ПЕЩЕРА	10
ЗЕЛЁНЫЙ БОГ	13
БУРЯ	15
ВОСХОЖДЕНИЕ	17
ПОЛДЕНЬ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Вранин Пантеон

Вы стоите на пороге великолепных руин, но, возможно, это просто еще строящееся здание. Новое оно или старое сказать невозможно. Многие тайны и опасности ждут всякого, кто сделает шаг вперед. Но красота этого места и то, что в нем сокрыто, стоят этого риска. Осмелитесь ли вы войти?

КАЙ

Холодный ветер яростно атаковал высокие, покрытые льдом и снегом горы. Вновь и вновь безуспешно бился он об их макушки, отбрасывавшие ветер к заиндевелому основанию гор, где этого свирепого злодея также ждала неудача в его, казалось бы, вечном стремлении обратить в ничто все препятствия, возникающие на его беспорядочном пути. В бессильной злобе от вековой борьбы с непреклонным камнем, погруженным в лёд, ветер перекидывался на тех несчастных, что оказались в этой снежной пустоши.

Казалось, что вся природа этой местности была настроена против любых проявлений тепла и жизни, ибо вместе с ветром поднимался и древний, оспаривающий у воды право первородства, снег. Из их союза возникала белая пелена, слепящая взор и уносящая голос, разделяя, тем самым, и без того разобщенных людей, тщетно мечтавших о спасении от безжалостной стихии.

Он укрылся под склоном небольшого холма, расположенным таким образом, что снег почти не проникал сюда. В его угнетенном сознании поочередно всплывали три мысли: не замерзнуть, поесть и найти остальных. Он успокаивал себя мыслью, что его одежда достаточно тепла, а снежная буря, вызванная войной ветра и гор, не может продолжаться вечно. Он оказался прав. Ближе к ночи, хотя здесь почти невозможно было отличить её от дня, ибо солнце было навечно скрыто голубовато-серыми облаками, неистовство ветра немного спало. Он осмелился выйти из своего маленького укрытия и попробовать найти хоть что-нибудь, кроме снега и льда в этой мёртвой долине.

Выйдя наружу, он обратил внимание на далёкие шпили гор, блеснувшие каким-то неестественным синевато-зелёным сиянием. Несколько ближе, но, всё равно, бесконечно далеко чах хвойный лес. Его внимание также привлекли еле заметные, но от того не менее внушительные провалы, холмы и спуски, которыми была испещрена вся долина. Вся эта скудная картина была затянута белым саваном никогда не таявшего снега. Это обстоятельство немного успокоило его, ибо столь старый и плотный снег не столь сильно замедлял его передвижение, как если бы он был молодым и юным, как в тех местах, куда зима лишь обращает свой взор или, в редких случаях, заходит недолгим гостем, но не полноправно властвует, как здесь.

Он подумал, что нужно крикнуть, чтобы найти хоть кого-нибудь. Он уже приготовился исполнить задуманное, но в самый последний момент крик остановился в его горле, а в голове прозвенела мысль, что его могут услышать *не те*. «Волки или другие хищники», – успокоил он себя и с опаской посмотрел в сторону леса. Лес был безжизненно тих и спокоен, деревья слабо покачивались и скрипели под воздействием усмирившегося ветра, однако, что-то в их скрипе показалось ему неправильным, подобно гоготанию птиц, что напоминает искаженный человеческий голос, пронзительное и опасное. Ему казалось, что он слышит что-то ещё в этом древесном скрипе, нет, не шёпот, как легко мог бы подумать вдохновенный природой чудака, но что-то иное.

Он отогнал от себя эти странные мысли, вновь вспомнив о волках и том обстоятельстве, что в ночное время люди острее реагируют на всё в окружающем мире, словно наступающая тьма не скрывает истину, дарованную светом, а обнажает её, и, всё равно, обманывает. Он направился вперед, стараясь передвигаться быстро и бесшумно. Ему постоянно хотелось оглянуться назад, ибо казалось, что кто-то должен преследовать его, однако, преследователи не спешили себя обнаружить.

Через пару часов, спустившись с небольшого холма в низину, расположенную почти вплотную к лесу, он решил отдохнуть. «Разумеется, снежная буря уничтожила все следы,

потому и кажется, что здесь никогда не было ни одного живого существа», – подумал он, присев под вековой елью, стоящей на отшибе леса.

Быстрое движение, еле ощутимое, но заметное, даже не столько боковым зрением, сколько каким-то внутренним чувством угрозы, и его охватило смятение. Что-то нездоровое было в этом движении, как и в скрипе деревьев. «Пустое, показалось», – настойчиво решил он.

Под елью было не так холодно, несмотря на то, что она казалась такой же мертвенной и безжизненной, как и всё вокруг. Он выпил что-то нетеплое, но и не замерзшее, и довольно быстро погрузился в сон посреди открытого всем ветрам поля. Ему снилась чёрная пустота, столь непохожая на однообразие белого, царящего наяву. В этой пустоте он видел какие-то мимолетные образы и девушку, взывающую к нему о помощи. Её черты были эфемерными, но привлекательными, она кружилась по бездне, постепенно проваливаясь в её глубь, зовя его и плавно исчезая. Затем он увидел во тьме контуры фигур, подходящих к нему до того изящно, ровно и необычно, что такая походка выглядела какой-то неестественной, нереальной.

В этот самый миг, он проснулся. Сквозь сон, когда явь и грёза действуют сообща, ему показалось, что он видит чьи-то силуэты, спрятанные порывами снега, поднятого утренним ветром. Быстрые и бледные, как ломкий лёд – всё, что можно было о них сказать. С его пробуждением, они почти сразу исчезли, или ему показалось, что они исчезли, или их и вовсе не было. В этом холодном плену явь и морок причудливо сливались, играя с сознанием человека. Мурашки впились ему в спину, а сердце испуганно ускоряло свой темп, как будто пытаясь убежать из его груди. Хотя для волнения и не было реальных поводов, он чувствовал первобытный страх, подобный страху первых людей, увидевших вздымающийся океан.

Ему нужно было двигаться дальше, он успокоился и пошел. Весь день ему казалось, что за ним наблюдают, но вокруг не было и следа диких зверей, словно вместо них в лесу поселились сугробы и льдины. Говорить же о людях и вовсе не приходилось, хотя он знал, что не может быть один в этом снежном плену. Он шел бесконечно долго, потеряв счет времени, самые низменные человеческие потребности притупились, всё, чего ему хотелось, это найти ещё одно живое существо в этой бесконечной круговерти снега, льда и мрака. Наконец, ему повезло: у подножия крючковой и невысокой скалы, закрывающей небольшую поляну от остревенного ветра, он заметил брошенную флягу, покрытую плёнкой инея. «Неужели? Хоть кто-то!» – в полуисступительном восторге подумал он. Внезапный порыв исчез так же быстро, как и появился, ибо разум подсказывал ему, что флягу человек оставил бы в последнюю очередь. Он подошел к самому основанию скалы и увидел непривычный цвет, запрещенный цвет, спрятанный под покровом белого. Красный. Это был красный цвет, столь ненавистный бледно-сизому миру вокруг. Страх охватил его, но не помешал, а может, и помог стряхнуть белую пелену и обнажить скрывающуюся под ней картину. На него смотрели пустые и безжизненные глазницы того, что когда-то можно было назвать человеком. Заиндевевший палец замерз на синеватых губах в знаке вечного молчания.

Этого ему хватило, он понял, что не один, но живых здесь нет. Он чувствовал сильнейшую усталость, но что-то поддерживало его, и он побежал прочь, так далеко, как только мог. Внезапно позади раздался тревожный и громкий звук, отдаленно напоминающий чей-то раскатистый смех или вой. Он обернулся и увидел чудовищных размеров лавину, пришедшую, словно из ниоткуда, и достигающую небес. Она накрыла всё, что он уже успел пройти, включая древний лес, и теперь двигалась к нему. Волей случая, она оказалась очень далеко, и ему удалось избежать этого страшного чудовища.

С приходом очередной ночи, более мрачной, чем предыдущие, он уединился в небольшой пещере, необычной по той причине, что в ней не было ни льда, ни снега, только голый камень. Вновь он слышал таинственные скрипы, напоминающие голоса, и вновь ему казалось, что где-то далеко во мраке ночи и буйстве снежного ветра, он видит чьи-то зловещие силуэты, скользящие по склонам гор. *Они рядом, они есть*, думал он. Он уже почти заснул с этой мыс-

лю, как вдруг увидел в проеме пещеры хрупкую девушку в длинном шерстяном плаще. Он испугался, обрадовался и удивился почти одновременно. Девушка же заметила, что в пещере кто-то есть, и слегка отшатнулась в сторону. Ему показалось, что она чем-то напугана, но почти выбилась из сил, раз не пытается убежать. Он подошел к ней и протянул руку, она медленно приняла его руку и зашла в пещеру. Он решил, что девушка страшно замерзла, так как её бледная ручка была не теплее здешних камней. Он предложил ей воды и те скудные запасы еды, которые у него оставались, но она только помотала головой, не произнося ни слова. Чтобы согреть необщительную гостью, он сел с ней рядом и приобнял её. Находясь так близко, ему удалось лучше рассмотреть её. Она напомнила ему девушку из сна, только здесь её внешность казалась несколько более земной. Её светлые, почти белые волосы ниспадали на тонкие плечи, сочетаясь с её безупречной, но несколько излишне бледной кожей. Ярко-голубые, уходящие в синеву глаза сверкали на фоне элегантной бледности. Только одно показалось ему странным в её глазах: они были как стеклянные, не выражали никаких эмоций и чувств, словно были ненастоящими. Он объяснил для себя это тем, что девушка очень устала и, наверняка, его глаза выглядят даже хуже.

Он попытался задать ей несколько вопросов, но она молчала и лишь изредка улыбалась своими белесыми губами. Через некоторое время он совсем устал и заснул.

Во сне он видел как путешествует с ней по снежной пустыни, как постепенно разрушается его одиночество, а жизнь становится осмысленнее. Но что-то было не так: её рука была по-прежнему холодна, а улыбка, как и взгляд, безжизненна, она была чужой. Его грудь заболела от разочарования, и тут она подошла к нему и поцеловала, её поцелуй был холоден и пугающ, ибо окружающий мир начал меняться. Исчезли снег и лед, облака и горы, одна только ночь плясала вокруг них, пока продолжался поцелуй. Она отняла губы, и он почувствовал себя пустым, а нечто в груди заболело ещё сильнее. В этот момент он проснулся.

С уходом сна, kloкочущая боль в груди не уменьшилась, скорее даже усилилась, но он проигнорировал это, ибо ему показалось, что она плачет. И в самом деле, она сидела на корточках к нему спиной и склонила над чем-то голову, можно было подумать, что ей нехорошо или, что она что-то прячет от других. Он поднялся, чтобы утешить её. Она обернулась. Тусклый свет дня обнажил ужасную истину: лицо, которое ещё недавно казалось ему безупречно красивым, испугало его до глубины души. Бледная кожа была словно соткана из снега, а глаза были безжизненными осколками льда. Она улыбнулась до ушей, обнажив заостренные клыки, а вся её осанка приобрела что-то хищническое, нечеловеческое. Она что-то крепко сжимала в своей когтистой руке. Красное... Снова красное... Только на этот раз это красное было живым, оно двигалось, вернее ритмично билось. Это было сердце, его сердце. Он посмотрел вниз и увидел, что на том месте, где у него была грудь, зияет огромная дыра, уходящая до позвоночника. Она усмехнулась каким-то жутковатым, скрипучим звуком и вылетела из пещеры, растворившись в снежной буре. Он остался один... без сердца...

Он покинул пещеру и вновь побрел дальше, без целей, желаний и стремлений. Он не собирался искать существо, укравшее его сердце, он не боялся *других*, сквозивших вокруг него в снежном тумане, он шел вперед. Когда рассеялась буря, он увидел, что совсем рядом возвышается колоссальная гора, сверкающая сизыми всполохами света. Он шел к этой горе, сотворенной из чистого льда, и слышал голоса, шепчущие ему в глубины сознания нечто невыразимое. Он поднялся на вершину горы, окончательно отринув потребности человеческого тела. На вершине горы он обнаружил огромное ледяное зеркало, выглядящее, словно не от мира сего. В нем почти ничего не отражалось. Он подошел к этому зеркалу и, испытывая неизъяснимый трепет, поднял глаза и посмотрел в его гладь. Он увидел себя, но это был некто совершенно другой. Он был облачен в мрачные доспехи, а на его челе, подобно горам, украшающим долину, находился шлем с острыми зубцами, что делало его похожим на корону. Там же, где у него теперь зияла дыра, он видел сверкающий осколок синего льда, заменяющий его двойнику

сердце. Глаза отражения тоже были синеватыми, но не лишенными жизни, хуже, они были наполнены смертью и источали её. Вид отражения был величественным и притягивал взгляд, он понял, что оно тоже наблюдает за ним.

Но это оказалось не самым страшным. Ему показалось, что *за отражением* находится что-то ещё, *Некто*, наблюдающее за ним. *Некто*, для чего вся эта ледяная пустыня, весь мир и вся вселенная помещались на плоскости зеркала, в которое *Оно* смотрело *с той стороны*. Бесконечный ужас охватил его, он попытался отвести взгляд от своего отражения и того, что скрывалось за ним, но не мог. Тогда он взглянул за своё отражение в бесконечную пустоту, где обитало *Оно*, и встретился с *Ним* взглядом. *Его* взгляд выходил за всякие мыслимые пределы, он не поддавался описанию и осмыслению, единственное, что он мог сказать о нем – это был холодной и недоброжелательный взгляд. Его зрение и рассудок не смогли выдержать увиденного *по ту сторону* зеркала, и он упал на колени, а его отражение село. Его глаза покрылись коркой льда и навсегда погасли, погрузив его в бесконечную тьму, где нет ничего, кроме холода и смерти...

Где-то далеко, в одной изящной бледной руке, принадлежащей красивой женщине, в последний раз ударилось чье-то сердце и обратилось в пепел, опалив ей руку...

ПЕЩЕРА

Желающий узнать, почему стоит дом, разумеется, должен спуститься вниз к его основанию. Именно там – в глубине открывается вся правда о доме: когда он возник, каким он планировался изначально, и сколько лет ему еще осталось существовать. Желающий узнать секреты цивилизации копает землю, снимая слои эпохи один за другим. Желающий же раскрыть тайны бытия, увидев первооснову всех вещей, спускается в пещеру.

Он стоял на границе полумрака пещеры и того сверкающего мира, что так пугал людей древности, мира, от которого и он сам теперь бежал. Своим резким движением он прорезал застывший во времени воздух пещеры. Узкий каменный свод становился все шире и выше по мере того, как он продвигался вглубь. Он прикоснулся к прохладной неровной стене и провел ладонью вниз. От осознания, что он только что прикоснулся к тому, что возникло до появления человека и останется после его исчезновения, по его спине пробежала почтительная дрожь.

Оказавшись в центральной, как ему казалось, части пещеры, он обратил внимание на небольшой круг из черных камней, в котором, по всей видимости, когда-то разгорался первый огонь. В былые времена дрожащие блики пламени танцевали по стенам этой пещеры, воскрешая древние рисунки, изображенные здесь. Но и без огня он увидел множество животных и темных фигур, скачущих в нескончаемом круговороте бытия. Наскальная живопись повела его куда-то дальше и глубже. Несмотря на схожесть картин, изображающих преимущественно охоту, он обратил внимание, что чем дальше он идет, тем проще и условнее становились изображения. Животные и люди становились неотличимы друг от друга. Пещера здесь снова стала достаточно узкой, так что на очередном крутом повороте, он споткнулся обо что-то и упал. Ощупав предмет, ставший причиной его падения, показалось, что это огромная палка, но потом пришло осознание, что это чья-то исполинская кость. Ему стало страшно, возникло наваждение, что ему нельзя здесь находиться. В почти кромешной тьме ему стали слышны отзвуки всех его шагов, падения и даже прикосновения к чьим-то костям. Звуки искажались, словно какой-то маленький зверь крадется где-то далеко, и эхом уплывали в бескрайние дали пещеры. Однако, он вспомнил от чего бежал, и новый страх был преодолен. Он направился дальше.

Рисунки привели его в полукруглый проем, в дальней части которого висел чей-то огромный рогатый череп. Он не понимал, кому именно принадлежал этот череп, но ощущал странный трепет, глядя в его бездонные и пустые глазницы. Так чувствует себя сын, когда впервые видит деда и осознает, что у отца, обладающего в глазах ребенка абсолютной силой и властью, тоже есть отец, и у отца его отца есть отец... Вокруг этого внушительного черепа располагались плотными рядами по двум краям сталагмиты. Во мраке здешних мест их очертания напоминали ему спящих существ, отдаленно похожих на людей. В первый, но не в последний раз он ошибочно решил, что дальше и глубже того, что он видит сейчас, ничего быть не может. Рядом с черепом обнаружился едва заметный проход, настолько крутой и глубокий, что почти походил на пропасть. Он последовал вниз.

В этой части пещеры стало заметно холоднее и темнее, чем в верхней. Он практически не видел своих рук, но каким-то непостижимым образом ощущал наскальные рисунки и видел их очертания. Собственно, кроме очертаний в них больше ничего и не осталось. Они упростились настолько, что живые существа превратились в геометрические фигуры и ломаные линии. Чаще всего встречался круг, из которого выходили лучи, тянущиеся наверх. Эти круги напоминали ему отдаленно солнце и луну, но его удивляло, что они были изображены внизу, а не наверху. Только сейчас он задумался, что совершенно не помнит, как долго уже находится в пещере, насколько глубоко он спустился и как пришел сюда. Время в этом месте терялось, словно его и вовсе не существовало, а пространство искажалось и путалось. Он начал чувство-

вать себя по-настоящему потерянным. Тем не менее, он решил идти дальше, так как его влекло что-то запретное и неизведанное.

Узкие сдавливающие своды в кромешной тьме без единого звука, кроме ровного гула в его ушах. И так он передвигался вниз неизмеримо долго, потеряв всякое восприятие времени и пространства. Казалось, вселенная исчезла, оставив после себя давящую пустоту. И в этом опустошении раздался неожиданный и знакомый звук. То было протяжное эхо от упавшей капли воды. Стены начали расширяться, и он оказался в некоем просторном помещении, границ которого видно не было, так как мрак здесь безраздельно властвовал. Он шел медленно вперед на звук капель, пока не почувствовал, что наступил в воду. Он сел на колени прямо к воде и начал вглядываться в её темную гладь, подергиваемую рябью, пока ему не показалось, что какой-то тусклый серебристый свет манит его сквозь толщу вод. Он вдохнул полной грудью и поплыл на этот свет. У него было ощущение, что он плывет по подземной реке, стекающей в самые недра пещеры.

Он почти выбился из сил, когда приблизился к источнику света и вынырнул из воды. Бледный свет тысячами искр лился из стен и свода пещеры, переливаясь лазурными и золотыми цветами. Во мраке пещеры это сияние было подобно звездному небу. Подземный свет манил его всё дальше вниз, выстроившись неровной дорогой. Чем дальше он шел, тем красочнее становилось это сияние, к которому добавлялись новые оттенки. Наконец, он увидел, что из одной стены льется особенно яркий серебристо-белый свет. Он прикоснулся к этой стене и прошептал про себя: «Серебро». Он опустил настолько глубоко, что прикоснулся к самой крови земли, её наиболее редким и прекрасным дарам, которых здесь было в избытке. Золотые и серебряные жилы пронизывали каменный свод, а из пола и в некоторых углублениях прорастали сверкающие минералы и драгоценные камни. Его восприятие столь сильно обострилось, что ему начало казаться, что он может слышать мерное сияние, исходящее от них. Оно шептало ему о тайнах земли, но он ничего не мог понять.

Безмятежность и священный восторг пребывания здесь были нарушены едва ощутимыми движениями и звуками, исходящими из еще более глубоких тоннелей, открывшихся его взору. Темные и нестерпимо холодные расщелины, уходящие в непроглядные бездны, скрывались за теми тоннелями. Никто из верхних жителей не стал бы погружаться так глубоко, опасаясь за свою жизнь и рассудок, но *они* обитали здесь всегда. Он слышал, как *они* почти беззвучно передвигаются по разломам во тьме подобно серым призракам. Подземные моря омывали их бескрайнее царство, уходящее колоссальной лестницей всё глубже в бездну. Глубинные не препятствовали ему, но наблюдали за гостем из верхнего мира, столь уверенно спускавшимся по непроходимым расколам в самом основании мира.

Он дошел до огромной арки, за которой таился непроницаемый мрак, даже глубинные не смели подходить к этому спуску, ведущему по ту сторону бездны. Перед этой аркой стоял царственный старец с каменной кожей и бородой. Молча он указал ему, что нужно следовать за ним. И они вместе переступили через арку. Холод и тьма были здесь настолько убийственными, что он удивлялся, как он вообще может пошевелить рукой или ногой, не говоря уже о том, чтобы уверенно идти дальше. Казалось, они спускаются вечность, весь предыдущий путь теперь выглядел столь ничтожно малым на фоне этого. Старец остановился и указал куда-то вперед. Он прошел в указанном направлении, очутившись в просторном месте. Он почувствовал *тепло*. А затем увидел, что откуда-то снизу исходит оранжевый свет, освещающий самое дно подземелья. «Здесь управляют всеми движениями земли» – подумал он. Он почувствовал чье-то присутствие, а затем увидел, что в земле образовался разлом, из которого вырывалось пламя и свет. *Кто-то* вышел из этого разлома и направился прямо к нему. От *него* исходил невыносимый жар, а свет был столь ярким, что ему пришлось прикрыть рукой глаза, пока к нему медленно подползали. Он услышал странный звук, напоминающий шипение или треск,

а затем увидел, что *гость*, окруженный огнем и светом, выглядывает уже из разлома на него, как бы ожидая его.

Он себе не принадлежал, у него не было выбора. Он не был. Он подошел к разлому, опалившему его лицо и руки, и исчез в ревущем потоке белого пламени...

ЗЕЛЁНЫЙ БОГ

Закатное солнце окрасило окружающий лес в оранжево-желтые тона. Он шел посреди леса, пытаясь вспомнить, как и зачем он здесь оказался, а главное, как выбраться теперь отсюда. Со всех сторон его окружали высокие деревья, холмы, покрытые тонкой травой, и теплые лучи вечернего солнца. Густой насыщенный воздух ощущался особенно свежим и приятным, но окружающая его тишина и медленное осознание возвращали в нем страх. Он неуверенно шел вперед, не понимая и не зная, какой лучше путь выбрать. Он начал думать о том, что безвозвратно потеряется в этом лесу, и что с заходом солнца лик природы станет настолько злоеющим, что ему понадобится укрытие от тех, кто предпочитает охотиться в ночи. Нарастающий страх и тревожные мысли сбивали его. Он то и дело останавливался, беспорядочно меняя свое направление. Мысль о том, чтобы позвать на помощь ушла столь же быстро, сколь и появилась. Ему показалось почти преступным разрезать покой воздуха своим криком.

Он решил идти прямо, не сворачивая, пока не найдет выхода из леса или хотя бы дорогу среди всего этого единообразия и неразделенности, напомнившим ему бескрайнее море или пустыню, где нет начала и конца, центра и периферии, только слитое до состояния хаоса и беспредметности пространство. С приходом темноты это ощущение усилилось многократно, теперь его окружали лишь мрачные силуэты вековых деревьев да еще более древних холмов. Теперь ему приходилось полагаться больше на другие чувства и ощущения, но каждый шорох или дуновение отдавались в нем пульсирующим страхом. Искаженные формы и звуки преобразовывались в его сознании в злоеющих созданий, им же самим и порожденных. Но страх медленно отступал, особенно, когда он вышел на небольшую поляну и увидел над зелеными макушками деревьев синеву ночного неба, в котором сияли тысячи звезд. Они уводили его взгляд в беспредельные дали, сливаясь с окружающей темнотой. Он лег на мягкую и прохладную траву, ощутив под своими руками и ногами землю, уходящую по ощущениям так же далеко, как и звезды, которым он теперь внимал. Наконец, в хаосе леса он увидел гармонию и красоту, наполнившие его душу умиротворением. Страх покинул его.

Он направился дальше, уже не испытывая той неподдельной тревоги, что должна способствовать человеку в выживании. Какое-то новое чувство начало завладевать им. Все ощущения усилились, когда он переключил свое внимание с себя на окружающий мир. Он слышал, как приветственно покачиваются деревья где-то далеко, как оживает и преобразуется ночной лес, с которым он теперь, когда призраки разума дрогнули перед нарождающимся чувством, ощущал сродство. В ночном покое леса он слышал передвижения зайцев, за которыми охотились пронырливые лисы. Ему виделись перелетающие с ветки на ветку совы и благородные олени где-то вдалеке. Мир, который казался ему тихим и пустынным, наполнился жизнью, которая была везде и во всем. Животные не боялись его, но предпочитали обходить стороной, чувствуя его инаковость. Он же, столь увлеченный всем происходящим, на какое-то время забыл о своем желании покинуть лес.

Силы и восторг наполняли его, и он устремился куда-то в чашу, радостно и ловко прыгая с одного холма на другой. На одном из них он услышал бег ключа, из которого сразу же испил холодной воды. Здесь он остановился, сев на краю холма, и вслушивался в покачивания деревьев и передвижения зверей. Так он встретил рассвет, показавшийся ему прекраснее всего, что он когда-либо видел. Утомленный ночными пробежками, он заснул прямо на открытом воздухе.

Он проснулся в разгар дня. Прохладу ночи сменил приятный зной светлого дня. Теперь он слышал пение птиц, чьи звонкие голоса сливались в единое, не имеющее начала и конца, музыкальное произведение. Не зная, что им движет, он направился сквозь светлую чашу куда-то вдале, пока не обнаружил то, что искал когда-то. Перед ним раскинулась забытая всеми

дорога под холмистыми буграми, петлявшая куда-то вверх. Поднявшись по этой дороге, он обнаружил нагромождение камней, в которых узнавались руины храма, от которого мало что осталось. Сквозь каменные плиты пробивались побеги растений, а рядом с последней сохранившейся аркой в самом центре руин возвышалось огромное дерево, чьи корни, вероятно, обхватывали весь фундамент постройки. Теперь это место было захвачено лесом, став его частью.

Отдыхая под сенью этого высокого ясеня, вершины которого не было видно, он услышал отдаленные всплески воды. Всё вокруг стало им восприниматься иначе, ибо он со всей ясностью начал ощущать чье-то присутствие. В потоках теплого ветра ощущалось чье-то дыхание, в солнечных бликах на тумане у опушки ему мерещились еле уловимые силуэты, в скрежете деревьев он слышал чьи-то шаги, даже в земле, камнях и небе он начал подмечать то, что ранее ускользало от него. Он почувствовал себя бесконечно маленьким в сравнении с тем, что открывалось ему.

Вновь послышался шум воды, доносившийся откуда-то издалека. Он поднялся и направился по дороге вниз. Его умиротворению и чувству помешала возникшая позади него фигура. Он развернулся и увидел немолодую женщину в простом одеянии с посеребренными временем волосами, тем не менее, было в ней нечто благородное и даже величественное, но он никак не мог понять, что именно.

– Заблудился? – спросила она у него. В её приятном ровном голосе не чувствовалось волнения или усмешки, словно в нем вообще ничего не было.

Он молча стоял и смотрел на нее несколькими дикими глазами.

– Помощь нужна? – снова спросила она, – тут не очень далеко есть одна деревушка и монастырь. Могу проводить, если хочешь. Этот лес очень большой, в нем легко потеряться.

– Нет, – глухо произнес он. А потом, немного вспомнив, добавил, – спасибо, всё хорошо.

Женщина бесстрастно улыбнулась и слегка кивнула головой, а затем не спеша поплыла по дороге вперед, пока не растворилась в солнечном мареве. Он же устремился к шуму воды, который снова привлек его внимание.

Пройдя через призрачные чащобы, он заметил, что солнечный свет становится ярче, будто он подошел к границе леса. Он оказался на уступе, почти кругом обхватывающим золотисто-белую воду залива. Она уходила дальше, превращаясь в бескрайнюю морскую гладь, сливающуюся с небом, в котором пылало ослепительное солнце. Оказавшись на берегу, он опустился на колени прямо перед сверкающей водой, а затем умылся в золотистой заре и распростерся на земле. Он ощущал всё вокруг, а всё вокруг ощущало его. Он погрузил руки и ноги в землю, а земля погрузилась в него. Его руки и ноги начали сливаться с прибрежным песком, почвой, скалами и лесом, а вслед за ними и всё остальное, пока он не исчез. Он безвозвратно заблудился в лесу.

БУРЯ

Нужда и привычка заставили его выйти в море. Безмятежное серое небо сливалось с безжизненным, пустынным пляжем, который оставался всё дальше и дальше. От сизой воды веяло солью и холодом, от чего ему было неприятно. Он испытывал это чувство всякий раз, когда выходил в море, ибо знал, что его окружает смерть, к которой он пришел ради жизни. Опыт и удача несколько перевешивали его страх перед стихией, но радости и восторга море у него никогда не вызывало, в отличие от тех других, которых он считал наивными, и которые легко могли сгинуть, едва только покинув берег.

В воздухе нарастало смутное беспокойство, возможно, из-за того, что мысли его были печальны и тревожны. Он размышлял о тех причудливых существах, что жили глубоко под ним – во мраке и холоде мертвых вод, по которым он сейчас плыл. За ними он сюда и плыл, что удивляло его ещё больше и заставляло задуматься о странности мира, в котором он обитал. Меж тем его небольшая лодка плыла в сторону острых, вздымающихся из воды скал посреди моря. Это коварное место, иногда называемое «красными скалами», другие старались обходить стороной. В прошлом здесь нашли свое последнее пристанище многие несчастные моряки, выброшенные злыми волнами на острые как серпы скалы. Но немногие знают, что именно здесь лучше всего ловится рыба, ибо море здесь насытилось кровью, и плоды его обильны.

Он тоже это знал, но был опытнее и находчивее прочих несчастных, которые в погоне за желанной добычей сами становились жертвами вечно голодного моря. Несмотря на свое название, скалы те были черными, теперь он снова видел их и подплывал к ним. Они напоминали ему клыки голодного чудовища, затаившегося в ожидании, но он знал, что не о них ему следует беспокоиться. Его внимание привлекла стая белых птиц, улетающих в сторону берега. Они стремительно удалялись, пролетая под сгущающимися облаками. В это же время наверх стали выпрыгивать небольшие рыбешки, словно они чего-то боялись в потускневшей воде. Потом и они пропали. Стало темно. Тогда он увидел одинокую птицу, вылетевшую из темно-серых облаков прямо в его сторону. Это был орёл, чьи янтарные глаза сверкали подобно искрам. Его мощный размах темных крыльев казался многократно усиливал то напряжение, что чувствовалось в сумрачном воздухе. Он пролетал так низко, что ему стало не по себе. Орёл издал громогласный клич и спикировал вниз к задрожавшей воде, а затем улетел прочь, исчезнув так же внезапно, как и появился.

Темно-изумрудные воды моря стали беспокойны. Обвивающими кольцами они вздымались и опускались, словно злая или чувствуя угрозу. Поднимался сильный ветер, бивший ему по лицу и рассекающий потоки воды подобно острому лезвию. Он посмотрел наверх и увидел, что откуда-то издали приближалась огромная грозовая туча, медленно заслоняющая собой весь небосвод. Её бесформенные очертания росли и изменялись, подступая сюда зловещей поступью. Ветер усилился настолько, что ему пришлось закрепиться в лодке, а волны, словно отвечая ветру, яростно поднимались всё выше. Ему стало по-настоящему страшно. Назревало нечто ужасное, не предназначенное для него.

Он понимал, что необходимо как можно скорее уходить отсюда, но он словно замер в оцепенении, а его слабые попытки уплыть не увенчались успехом, ибо море было уже настолько раздражено, что начало беспорядочно бросать его лодку по змеившимся волнам. Тогда где-то в глубине грозного неба раздался оглушающий рёв, от которого он в ужасе вцепился в лодку так сильно, что на его ладонях выступила кровь. Казалось, этот раскатистый шум разносится над всем миром, застывшим в трепете. Вода и ветер сливались в разрастающуюся битву, пока морские волны как будто стремились ужалить грозные облака, которые были уже так низко. Мир на его глазах переворачивался в вихрь шума и хаоса.

Внезапно почерневшее небо осветилось вспышкой *Чьей-то* пылающей ярости. Вновь раздался ужасающий рёв, а затем неистовый удар молнии врезался в морскую пучину. В оглушительном грохоте небесной мощи он услышал злобное шипение моря, готовящегося нанести ответный удар. Он почувствовал, что неудержимая сила стремительно тянет его лодку вниз по уходящей воде. А затем лазурная тьма моря поднялась настолько высоко, что поравнялась с небом, и в гневе бросилась на него. Он почти ничего не слышал и не видел, кроме ужасающего грохота и вспышек небесной ярости. Тело обдало извивающимся холодом, а во рту был привкус соленой воды и крови. Его лодку расщепило на несколько обугливающих частей, а его самого схватила морская стихия.

Гром и молния били по растущим волнам, озаряя этот потемневший мир. Его оттягивало к «красным скалам», пока морская бездна обнажалась перед ним. Бросив взгляд вниз, он увидел целые горы из коралловых рифов, похожих на подводные дворцы, пестрящих разнообразием красок. Здесь обитали причудливые существа с изумрудными и сапфировыми плавниками, похожими на крылья, и зловещие чудовища, аморфные, с острыми клыками или цепкими длинными конечностями. Они обитали в чернильной тьме, у самого дна, где скрывалось *Оно*.

Очередная волна, чуть менее сильная, чем предыдущие, выбросила его на скалы. Невроятным образом ему удалось уцелеть и даже удержаться на их вершине. Хватаясь за черный, обсидиановый камень, израненный и почти лишенный чувств от священного трепета, он продолжил наблюдать за бушующей битвой. Кровь стекала по его рукам и ногам куда-то вниз. Ветер прибывал его спину к черному камню, а брызги воды жалили его как маленькие змейки.

Мнилось, что шторм заканчивается, но то было лишь подготовкой к заключительной атаке. Он чувствовал, что *Что-то* шевелится под скалами и рифом, а раскатистые облака, приобретавшие странную форму, уже словно спустились к самому морю. В танце света и тени внутри этих облаков ему угадывался зловещий жест, направленный прямо сквозь него. Вновь разверзлась морская пучина, поднявшись над ним всей своей мощью. Небо и всё вокруг загорелось ослепительной вспышкой...

Черные камни, окропленные его кровью, полетели в воду, а Морская пасть пожрала его. Буря кончилась.

ВОСХОЖДЕНИЕ

Влекомый страстью к *Прекраснейшей* из всех женщин на земле, о которой он услышал из полузабытой легенды, отправился он на поиски священного града, где обитала *Она*. В легенде говорилось, что эта женщина была хранительницей великой тайны жизни и смерти, и не было ничего в этом мире ей не ведомого. Десятки стран и сотни городов прошел он на своем пути, но нигде не было даже упоминания о том чудесном граде из легенды. Но он продолжал свои поиски, не поддаваясь отчаянию, ибо знал, что ради такой благородной цели не жалко потратить и все земные дни.

Однажды он оказался в одной жаркой стране, где не было ничего кроме бескрайних песков и удушливого зноя. Волнение охватило его, ибо запасы воды и еды кончались, а он так и не встретил ни единой души или хотя бы намек на то, что здесь есть хоть что-то. Но необоримое желание его было сильнее. Изможденный, он продолжал свой путь, полагая, что эта пустыня может оказаться всего лишь преградой для слабых духом перед заветным градом.

Почти выбившись из сил, он увидел пылевое облако, пройдя через которое, его взору предстали величественные стены из потускневшего от времени камня и синие врата, перед которыми стояли каменные изваяния быкоподобных существ с царственными головами. Врата распахнулись перед ним, и он вошел в прекрасный город, где было множество садов и таких же, как и стены, желтовато-бежевых домов. В глубине города возвышались дворцы и храмы, но все они меркли перед горой, что находилась в самом сердце города. Беспрепятственно он прошел мимо стражников, обогнув толпу людей в простых белых одеждах, чтобы лучше разглядеть невероятных размеров гору, вершина которой скрывалась где-то в облаках. Чем ближе он приближался к ней, тем яснее понимал, что с этой горой что-то не так, ибо природа редко создает столь ровные и упорядоченные формы. Тогда он понял, что это никакая не гора. Это была пирамида, размеры которой не укладывались в его сознании и потому восхищали и пугали одновременно.

– Вы видите только основание, – произнес чей-то тонкий, почти детский голос.

Он обернулся и увидел молодого человека, облаченного в темно-золотистые доспехи. Изпод забрала шлема на него смотрели прелестные глаза небесного цвета. Что-то неуловимое было в них, словно печаль и радость соединились в одном взгляде.

– Что ты имеешь в виду? И кто ты? – спросил он.

– Говорят, что эта великая пирамида состоит из трех ярусов. Вы видите только первый из них, но и туда почти никому нет хода. Лишь самые достойные и могучие герои могут пройти через первые врата, одолев их стража. Но дальше есть и другой ярус, скрытый от нас облаками. Говорят, там сокрыты великие знания. Но и этот ярус не последний, дальше есть ещё один, но там никто и никогда не был.

– Ты так и не сказал, кто ты.

– Я могу вас проводить к первым вратам пирамиды. Вы ведь за этим пришли.

– Есть и другие врата? – спросил он, задумавшись.

– Да. Легенда гласит, что перед каждым ярусом и самой вершиной располагаются врата. Пройти каждые последующие намного сложнее, чем предыдущие. Как я уже говорил, почти никому не удавалось пройти даже сквозь первые врата.

– А на вершине...

– Ожидает *Она*, – восторженно закончил юноша.

Он согласился на радушное предложение молодого воина сопроводить его к первым вратам. Юноша рассказал ему многое о городе и его правителях, которых с течением времени перестала интересовать пирамида и её секреты, лишь собственное процветание и низменные

интересы заботили их. Узнав этот город поближе, ему захотелось поскорее подняться на пирамиду, оставив пустое и маловажное далеко внизу.

Его спутник рассказал ему, что первые врата охраняет могучий и свирепый воин, равных которому в силе и кровожадности нет. Вот уже больше десяти лет все, кто бросал вызов этому чудовищному стражу, оканчивали свой путь разорванными его свирепой яростью. Юноша пытался отговорить его от безнадежной попытки одолеть этого исполина, но он упорствовал. Тогда, проникшись жалостью к нему, он раскрыл ему тайну, которую знали немногие в городе, и которую было запрещено раскрывать чужестранцам. Юноша рассказал ему, что в западной части города растет кедровая роща. Если он срубит дерево там и сделает из него щит, то с его помощью сумеет одолеть ужасного стража. Но юный воин предостерег его делать оружие из кедра: «ибо тогда, хоть ты и свергнешь стража, но останешься побежденным, так как не сможешь вступить на великую лестницу, что ведет к вершине».

Туманный смысл этих слов остался ему неясен, но он твердо верил судьбе, которая, как он надеялся, вела его к заветной цели. Посему, когда наступил вечер, он всё сделал в точности, как ему посоветовал молодой воин. Наутро он вышел на бой без доспехов, вооруженный одним лишь деревянным щитом.

Множество людей собралось неподалеку от высоких золотых ворот, в нижней части которых изображались сражающиеся атлеты, а в верхней – полуобнаженные жрицы. Многие в толпе посмеивались над ним, но раздавались также подбадривающие и сожалеющие возгласы. Зрителями было очерчено поле боя, и все ждали выхода грозного стража. Все надеялись, что смогут хоть чуть-чуть увидеть, что сокрыто за вратами, когда будет выходить страж, но их надежды не оправдались, ибо он поднялся откуда-то снизу. Огромный, источающий злобу и ужас, открыл он неприметную дверь, ведущую в подвал, и вышел оттуда, испугав своим видом детей и некоторых женщин. Он был вооружен огромной булавой, а глаза его наливались кровью при виде врага.

Несколько часов длился их бой, он не уступал своему грозному противнику в отваге и силе, но превосходил его ловкостью и умом. Кедровый щит сводил на нет все выпады и удары исполина. Ярость его росла, но силы медленно покидали его. Наконец, когда страж оказался почти полностью измотан, он нанес ему три сокрушительных удара щитом, расколов его булаву, повалив его с ног, и отбросив к вратам. Тяжело дыша, великан произнес: «Ты победил меня. Теперь убей меня и займи моё место в качестве стража величайшей твердыни. На земли нет чести более великой, тебе поклонятся цари».

Теперь ему стало ясно, о чем его предупреждал юноша. Если бы он убил стража, то стал бы вечным узником первых врат.

– Благодарю, – ответил он, – но превыше чести земной то, что скрывается в высотах этой пирамиды. Я сохраняю тебе жизнь, чтобы ты вновь сторожил эти священные двери. Теперь пропусти меня.

– Хорошо, – тихо сказал он, – но берегись: не для нас предназначено небо этой пирамиды, земля – наш удел.

Он с уважением кивнул, хоть и не был согласен. Меж тем страж навалился всей своей силой на врата и раскрыл их. Вступив на порог, он почувствовал, что его схватили за руку. То был его спутник. Он попросил подождать немного. Молодой человек собрал в небольшую склянку пролившуюся в поединке кровь и вылил её в золотую чашу, в которой, как он успел заметить, находился пепел. Пройдя через врата первым, воин скинул с себя доспехи, и он увидел, что перед ним стоит не отрок, как ему казалось, а прекрасная юная дева в белом плаще, почти ребенок. Она провела рукой внутри чаши, а затем высыпала пепел, смешанный с кровью, на его голову. Серебряная рябь подернула его волосы. Он был удивлен, но почувствовал, что теперь действительно может войти.

Его взору открылись прекрасные террасы с растениями и фонтанами, расположенные на золоченых камнях первого яруса, вдоль которого острой молнией поднималась огромная лестница из белого камня, устремленная так высоко, что отсюда он даже не смог увидеть вторые врата. Повсюду царил пир и дух праздника. Поднимаясь за спутницей, что теперь вела его вверх, он видел благородных мужей, что были достойны пройти сюда, в окружении обольстительных дев, богатства и роскоши. Обнаженные, они разносили вино и манили его сойти с лестницы, присоединившись к вечному пиру и радости. Мужчины тоже приветствовали его как равного и звали остаться. Юная дева, что шла впереди, сказала, что он волен присоединиться к ним, если хочет. Дорога наверх будет долгой и тяжелой, а победить стража следующих ворот ему не по силам. Но он не дрогнул, ибо его влекли свершения гораздо более великие, и интересовала лишь одна единственная *Женщина*.

– Это солнечный ярус, – чарующим голосом сообщила ему спутница, – как ты уже понял, здесь обитают наиболее достойные герои и воители, что прошли через многие опасности и лишения. Теперь они награждены выше всякой меры.

– И все же они на нижнем ярусе, – заметил он.

– Они получили всё, чего только может пожелать мужчина.

– Тогда ты плохо знаешь мужчин, – улыбнулся он.

Она улыбнулась ему в ответ, и они последовали дальше. Спустя несколько часов он заметил, что они приближаются ко вторым вратам. То было высокое сооружение из белого камня, на котором виднелось множество узоров и знаков. На них были изображены различные числа, слова и геометрические фигуры. Что-то ему показалось знакомым. Здесь уже не было так жарко, как ниже.

Когда они подошли к вратам, он услышал жутковатый скрип, а затем кто-то резко выскочил из-за ограды, остановившись прямо перед ним. То был огромный бескрылый сфинкс со смуглым лицом суровой женщины, чьи изумрудные глаза пронзали его. Она зарычала, и он понял, что никакой силы ему не хватит, чтобы одолеть это грозное существо.

– Мужчинам запрещено идти дальше, – непередаваемо странным и бесстрастным голосом произнесла сфинкс, – облачный ярус не предназначен для тех, чей удел – ратная удаля и буйство страстей.

– Но кто может пройти через врата, о могучий страж? – спросил он.

– Тот, чье слово ранит больше ударов, тот, чей ум, а не меч, остр. Тот, кто ответит на три моих вопроса и докажет свою мудрость.

Дева взяла его за руку, окинула его своим небесным взором, придав ему спокойствия и уверенности, а затем отступила вниз.

– Я готов.

– Если не ответишь, то простишься с жизнью. Ты уверен? – вильнув хвостом, спросила сфинкс.

Он кивнул.

– Тогда назови мне, человек, своего творца? Того, кто даровал тебе всё, того, кого ты любил и почитал, а иной раз и боялся.

– Мать, – ответил он, а сфинкс оскалила зубы, но осталась на месте.

– Рогатая царица правит всеми из своих белых палат. Убор её темным бывает, светлым бывает, по случаю траура красное надевает. Кто она?

Он многозначительно посмотрел наверх, улыбаясь сфинксу:

– А по какому случаю убор её желтым бывает?

– Не переспрашивать, отвечать, – угрожающе произнесла сфинкс.

– Речь идет о луне, конечно.

Сфинкс взобралась на ворота, приняв угрожающую позу:

– Последний вопрос. Что есть смерть?

Он задумался. Последний вопрос был действительно сложным. Мгновения стремительно проносились, и он чувствовал, что грозный страж вторых врат уже приготовилась разорвать его быстрее, чем он успеет даже шаг назад или вперед сделать. Тут он вспомнил о своей спутнице, стоявшей позади него. Ответ и понимание пришли сами собой:

– Смерть – это любовь, – ответил он.

Сфинкс почтительно склонила голову и свернулась клубком. Каменные плиты начали раздвигаться.

– Мы проходим в облачный ярус, – произнесла его проводница повзрослевшим голосом, – ты прошел испытание, но сфинкс права, чтобы выдержать воздух этого места, тебе нужна помощь.

В её руке появился белый кубок со сверкающей лазурными искрами водой. Она поднесла кубок к его голове и омыла его лицо и тело. Они прошли через вторые врата, оказавшись среди каменных платформ из голубого нефрита, уходящих в заоблачную высь. Со всех сторон этот ярус окружали белые и светло-серые облака. Они поднимались всё выше, и ему показалось, что его спутница, сменившая белый плащ на ниспадающее зелёное платье, изменилась в лице, став немного выше и взрослее.

Белая лестница стала более узкой и крутой, теперь подниматься вверх было сложнее, но он больше переживал за его проводницу. Здесь было значительно меньше людей, среди которых он видел бледных и холодных женщин, бесстрастно провожавших его взглядом. Кажется, они стояли на самих облаках. Ещё выше он увидел девяти прекрасных дев, сияющих неземной красотой. Они были одеты в платья разных цветов, а за их спинами он увидел множество удивительных вещей: каменные таблички, сферические кольца, книги и свитки, арфу, лиру и многое другое.

– Если ты того желаешь, ты можешь остаться здесь, – сказала его спутница, – здесь ты узнаешь больше, чем можешь вообразить. Тайны земли и природы, мудрость великих людей, забытое и утраченное, всё хранится здесь и отсюда берет свой исток. Многие бы пожертвовали всем, чтобы оказаться здесь.

– Но есть и путь выше? – спросил он, несколько замедлившись.

– Да, есть. Но пройти через следующие врата тебе не поможет сила или остроумие. А их страж намного опаснее сфинкса, ибо был подле *Той*, что находится на вершине.

Желание и страсть вновь разгорелись в нем, он твердо решил, что пройдет путь до конца, и ускорил шаг. Потратив еще несколько часов, они поднялись настолько высоко, что ему стало холодно, и дышать было очень тяжело. Мягкий сумрак правил перед изящными вратами, вырезанными из аметиста, на которых не было изображено ничего.

Поднялся ветер и послышался шум крыльев, приближалось нечто большое и могущественное. Спустившись сверху, сел на воротах величественный белоснежный грифон, чьи глаза сверкали двумя сапфирами. Смотря на него, он испытывал нечто сходное с трепетом, он поклонился царственному созданию и спросил позволения пройти через третьи врата.

– Человек не может пройти через эти врата, если хочет сохранить жизнь, – громогласно сказал грифон, – никто из вашего племени не пересекал еще их, и никто не сможет этого сделать, если только у него нет ключа.

– Где я могу достать этот ключ? – почтительно спросил он.

– Он у тебя или есть, или его нет. Если у тебя есть ключ, проходи, а если у тебя его нет, и ты всё равно осмелишься продолжить свой дерзкий путь, я сброшу тебя с пирамиды, и обратишься ты в прах, – без злобы и гнева предупредил грифон.

– Быть может, тебе стоит отступить? – вновь спросила его женщина.

– Нет, я либо поднимусь вверх, либо паду вниз из-под когтей этого благородного зверя.

Слезы выступили на её глазах. Она подошла к нему и поцеловала его в лоб, произнеся почти шепотом:

– Доверься своим самым глубоким чувствам, отринь сомнения, пусть мысль и слово обратятся в дело.

Она отошла, а он подошел к аметистовым вратам, за которыми виднелось еле заметное сияние, и внимательно осмотрел их. На них не было ничего, ни знаков, ни уж тем более замочной скважины. Успокоившись, мысль его направилась вверх, выше облаков. Он сделал глубокий вздох, собрал серебряную пыль со своих волос и начертил на вратах круг с восемью треугольниками, растущими из него. Получившаяся звезда засияла серебристо-лиловым огнем, и врата медленно открылись. Он ощутил на себе холодное дуновение ночи, что несет смерть. Грифон поднялся в воздух, а женщина с некоторым трудом подошла к нему. Откуда-то из верхнего яруса она достала сверкающий синевой огненный сгусток и поднесла его к нему. Прохладный огонь охватил его тело, сжигая ту одежду, что он носил внизу, и придал ему необходимые силы и защиту.

Они прошли через третьи врата, ступая по серебряным камням верхнего яруса, где правила ночь с сияющими звездами. Казалось, они были на расстоянии вытянутой руки, так близко они приблизились к небожителям. Одежда его спутницы темнела с каждым шагом, а волосы напротив – становились подобны звездам. Ей было трудно передвигаться, и она начала прихрамывать. Поднимаясь всё выше, он заметил, что не только звезды обитают здесь, но и полупризрачные женщины, чьи лица были закрыты тёмно-синими вуалями. Зрилось, что они плывут по серебряным камням пирамиды, нашептывая что-то во мраке. В молчании они поднимались среди звёзд все выше, пока он, наконец, не увидел вершины пирамиды, спрятанной за последними вратами. То были непроницаемые алмазные решетки, расположенные перед последними ступенями.

Стража этих врат нигде не было видно, а его спутница в тяжелом молчании, сторбившись, медленно поднималась наверх. Её одежды стали чернее ночи, а лица было почти не видно. Когда она подошла к алмазной решетке, она развернулась, и обратилась к нему. Голос её был подобен пронзительному шепоту:

– Дальше нельзя уже никому. Никто не может пройти дальше. Сила, Мудрость и даже Тайное знание бессильны перед этими вратами. Оставайся здесь, подле вершины, в окружении извечных теней и сверкающих звезд.

– Прошу, пропусти меня, или заведи. Я не отступлю, даже перед тобой.

– Лишь самая могущественная сила, вечная сила может отворить эту дверь. Лишь только *Её* сила.

Он подошел к своей согбенной спутнице и что-то прошептал ей на ухо, а затем поцеловал в бледные уста и притронулся к решетке, которая поддалась ему. Женщина исчезла, растворившись в своем черном плаще, а он продолжил подниматься на вершину пирамиды...

Он вступил на платформу из серебристого камня, которая словно мерцала в звездном свете. Величественный вид открывался ему отсюда: небесные сферы и бескрайние звезды, в центре которых располагалась эта вершина. Снизу виднелась земля, окутанная туманами. Но больше всего его манила высокая арка, находящаяся в самом центре вершины. Эта арка состояла из двух колонн: черной справа и белой слева. На черной колонне было написано «смерть», на белой колонне «любовь». Между ними виднелась плотная фиолетовая вуаль, за которой *Кто-то* стоял. Подле двух колонн были две огромные изумрудные змеи, частично выползшие из-под покрова. Медленно он подошел к арке и обратил свой взор к *той*, что скрывалась за вуалью. Он видел лишь тонкие очертания, казавшиеся ему знакомыми. В *Её* руке был золотой скипетр, похожий на крест, а на голове были два царственных золотистых рога, напоминающих полумесяц, а между ними виднелся лунный диск, освещающий *Её* кожу неземным белым светом. Он смотрел на *Прекраснейшую* из всех, начиная узнавать *Её*. В её лице ему виделся образ матери, сестры и его спутницы. Но только глаз он никак не мог увидеть из-за тёмной как ночь вуали. *Она* сделала жест рукой, поманивая его к себе. Охваченный священным трепетом, он

дрожащей рукой прикоснулся к покрову, скрывающему его мечту, и отдернул его. Невозможно передать, что он увидел за сумрачной завесой.

Он взглянул в глаза вечности, а вечность рассмеялась ему в лицо. Став бледным как белый лен, замертво пал он к подножию арки. Тишина опустилась на пирамиду.

ПОЛДЕНЬ

Тёмный саван ночи опустился на безжизненные земли, окружавшие древний город. В спешке он покидал это злосчастное место, источающее шум и невежество. С собой у него была только длинная белая свеча, одиноко светящая в сгустившемся мраке. Многие дни он пытался помочь людям этого города, отвлечь их от заблуждений и мрака, которым они служили, ибо приближалось то самое время. И свеча была его знаком и путеводной звездой, что теперь вела его. Но тогда его никто не послушал, никто не верил, что эта ночь будет развеяна великим рассветом, который должен наступить совсем скоро.

Не сумев убедить прочих, он, тем не менее, обратил на себя нежелательное внимание *других*, которых стоило опасаться. Они спустились сверху, грациозные и безжалостные, дети ночи, и стали преследовать его. Лишь крошечный огонек свечи охранял его от злобещих шептаний и холодных прикосновений *тех*, чье присутствие он теперь постоянно ощущал. Изгнанником бежал он из обреченного города, надеясь, что успеет добраться туда, куда его влекла свеча, до того, как она погаснет.

Вглядываясь в её пламя, он задумался о том, что всё живое, в конечном счете, является огнём, притворенным в материю. Человек, животные и даже растения в основе своей сотканы из тепла и света, и не могут жить без него. Ему подумалось, что кровь – это всего лишь жидкий огонь, бегущий по телу, и потому такой насыщенно красный. Если огонь остывает и гаснет, то кровь холодеет и сворачивается, как и сам человек, когда оказывается близок к смерти. Подумав о смерти, он бросил взволнованный взгляд куда-то в темноту, но ничего не увидел и не услышал. Раздумья привели его к мысли, что, возможно, всё сущее произошло из огня и когда-нибудь в огонь вернется. Ему представилась пылающая сфера, пронесшаяся эхом в пустоте и оставившая множество меньших огней, которые сверкают теперь на ночном небе. Но пожаром было охвачено всё, что теперь может быть названо, и там, где пламя не было вечным подобно этой сфере, возникли камни и почва, а затем и совсем далекие от своего первоначального состояния формы и элементы. Так, думалось ему, появились металлы, воды и, в конечном счете, человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.